

Издательство “Русский мир” только что выпустило роман публициста и прозаика Вячеслава Щепоткина “Дуэль алмазных резидентов”. Подзаголовок книги — политико-экономический детектив.

Вячеслав Щепоткин — давний автор “Нашего современника”. Здесь печатались его рассказы, повесть “Холера”, роман “Крик совы перед концом сезона”, где показаны неблагоприятные роли Горбачёва, Ельцина, других руководителей страны, а также представителей иностранных спецслужб и рядовых граждан в разрушении Советского Союза. Роман за два года выдержал три издания. В том числе — в издательстве “Русский мир”.

И вот новое произведение — “Дуэль алмазных резидентов” — остросюжетное, полное приключений повествование из новейшей истории России.

События в романе разворачиваются вокруг двух фантастических богатств страны. Это огромное, на многие миллиарды долларов, наследие Советского Союза из алмазов и бриллиантов, собранных в государственном хранилище России — Гохране, и вторая на земном шаре по объёму добычи алмазов — компания “АЛРОСЕВ”. За обладание ими и сталкиваются две мощные силы. Во главе одной из них — руководитель Главдрагмета, во главе другой — президент компании. На стороне каждого — свои сообщники и соратники. Действие происходит не только в России, но и в США, Бельгии, Израиле, Греции.

В романе есть всё, что было и есть в жизни: интриги и открытость, коварство и любовь, петля и пуля. А главное — реальные события и реаль-

ные люди. ...Схватка разворачивается прямо на глазах читателя, превращаясь в опасную дуэль. Кто победил и кто проиграл — решать самим читателям.

В этом номере мы публикуем три главы романа из сорока восьми глав. Книга продаётся в крупнейших книжных и интернет-магазинах. Кроме того, её можно купить в редакции журнала “Наш современник”. Телефон для справок: 8-495-621-48-71.

АЛМАЗНОЕ ИМЯ И АЛМАЗНАЯ СУТЬ

В декабре, что в девять вечера, что в девять утра — одинаковая темь. “В Москве хоть скоро рассвет, а тут весь день — сплошная ночь”, — мрачно думал московский чиновник Постовой, пряча плоскую озыбшую мордочку в воротник дорогой шубы. От дыхания редкие, как у енота, прямые усики заиндевели и неприятно топорщились. Чиновник быстро семеня столичными туфлями к трёхэтажному зданию напротив гостиницы, и, хотя оно было близко, ноги уже начинали застывать. Шедший рядом сопровождающий вежливо косил на гостя — только что под ручку не брал — и весело дышал морозным воздухом. “Как они живут в этой морозильной камере? — с лёгким ужасом удивлялся Постовой, глядя на жёлтый туман вокруг фонарей. — Сталь от холода лопается, земля на полкилометра в глубину вечно мёрзлая. Им надо алмазами зарплату платить”.

Однако при мысли об алмазах брезгливо хмыкнул в воротник. “Обойдутся. Алмазы для других”.

В трёхэтажном здании, где размещался сначала трест “Севресалмаз”, потом выросшее из него производственно-научное объединение с тем же названием, а теперь акционерная компания “АПРОСЕВ”, шла бойкая жизнь. Словно за внешними стенами этого дома было не сорок два градуса мороза, а майская подмосковная теплынь. Павел Петрович Постовой, или, как он себя рекомендовал называть, “тройной Пэ”, попав сюда в первый раз, аж вздрогнул. Внутри здание было похоже на элитную тюрьму, а жизнь таких реформаторов, как он и его товарищи, в любой нормальной стране должна была рано или поздно переместиться в подобное сооружение. Только с более строгим интерьером. И чем нормальнее страна, тем быстрее это должно было произойти. В центральной части здания, на первом, втором и третьем этажах, не было потолков. Как будто снизу доверху шёл колодец. Вокруг проёмов стояло ограждение. На отступе от него, по периметру второго и третьего этажей, располагались кабинеты. “Как камеры, — подумал тогда “тройной Пэ”. — Не хватает надзирателей с ключами”.

Ему потом сказали, что некоторые всерьёз уверены, будто здание по типовому проекту действительно предназначалось для тюрьмы. Но только советовали не говорить об этом Крикунову — одному из нынешних вице-президентов компании, до развала Советского Союза восемь лет возглавлявшему “Севресалмаз”. Он, предупреждали, приходит в ярость. Постовой был шапочно знаком с Крикуновым уже по московской жизни бывшего генерального директора — громкого, уверенного в себе, но вовсе не буйного. Поэтому, находясь под впечатлением от кабинетов-камер, в один из приездов спросил Крикунова:

— Дорого обошлось переделать проект?

— Какой?

— Ну, вот этот, — обвёл рукой чиновник периметр с закрытыми дверями. — Сейчас бы за такую работу — переделать тюрьму под офисное здание — запросили...

Его мазутные глазки блеснули от быстрой работы ума: “тройной Пэ” умел стремительно считать деньги. Но не успел Павел Петрович назвать цифру, как Крикунов резко прервал его прикидки.

— Вы что?! Вы кому верите?! Это построено по индивидуальному проекту! Мы его заказывали известному институту.

“А жаль, — подумал тогда чиновник с мордочкой енота. — В такой тюрьме можно бы объединиться. Ненадолго. Поиграть в преферанс. Виски. Женщины”.

Поскольку Россия после развала Союза оказалась страной особой, перемещение Павла Петровича вместо тюрьмы пошло совсем в другом направлении. Он стал представителем федерального правительства в акционерной компании “АПРОСЕВ”.

Название компании придумали не сразу. Сначала московским преобразователям понравилось имя “Алмазы России”. Звучало солидно. В мире есть могучая алмазная корпорация “Де Бирс”, но какой она страны, веры, национальности — не разберёшь. А тут сразу понятно, что есть чё.

Однако алмазы с момента их открытия советскими геологами добывали в суровой, малонаселённой, но амбициозной Северной Республике, входившей в состав Российской Федерации. Когда Ельцин брякнул: “Берите суверенитета, сколько проглотите”, — и ляпнул это не где-нибудь, а именно в Северной Республике, началась невообразимая вакханалия. Не только республики в составе России, но даже отдельные города и, что совсем чудно, какие-то деревни собрались заявить о своей независимости. В Северной Республике государственным языком, вместе с национальным, объявили английский. В наскоро принятой конституции записали, что республика является самостоятельным субъектом в международных отношениях. Некоторые вожди приполярных племён стали даже подумывать о собственных армиях с ракетными установками на собачьих упряжках. А тут на тебе: “Алмазы России”! Как будто промёрзлой земли, из которой их добывают, и не существует. Местный парламент, где наряду с национальными депутатами было много русских, украинцев и других народопредставителей (открывали и осваивали Божий дар без оглядки на 5-й пункт в паспорте), высказал своё несогласие. Имя новорождённой поправили. Назвали “Алмазы Российской Федерации — Северной Республики”. Пиетет был соблюден, но получалось длинно. “Пока выговоришь, — сказал Крикунов, — алмазы украдут”. Кто-то предложил сократить до начальных букв: “АРС”. Теперь выходило совсем непонятно. Вице-президент компании Самсон Гольдберг — длинный, немолодой мужчина, интересующийся, похоже, не только финансовыми потоками, за которые отвечал, — недовольно изрёк: “Так назывались первые кинотеатры в России: “АРС”. И нас будут расшифровывать: “Ассоциация работников синемаатографа”.

— Какое “АРС”? Чево лепите? — закричал нервный директор горнообогатительного комбината с самым богатым алмазами карьером. — “АРС”... Артель рыжих собак!

На него зло зашикали. Директор ГОКа был наиболее отвязным желателем суверенитета. Он хотел отделиться со своим карьером сразу ото всех. От компании. От республики. И даже от России. Создать своё государство площадью два на два километра, но глубиной на всю алмазную трубку.

В конце концов, нашли имя, устраивающее всех, кроме директора-отщепенца: “АПРОСЕВ”. В названии присутствовало всё необходимое: Алмазы, Россия, Северная Республика.

Павел Петрович в очередной раз прилетел в “алмазную столицу” — так возвышенно называли город, выросший в необитаемом месте рядом с первой богатой алмазами кимберлитовой трубкой, — для участия в совместном заседании правления и наблюдательного совета компании. Раньше такие визиты были редкостью. Собирались руководители компании все вместе на официальные заседания эпизодически. Однако новый президент Широков сразу отвердил этот кисель бетоном порядка и арматурой графика. Сам он был по основной специальности инженер-строитель и очень любил смотреть не столько назад, сколько вперёд. Заседания руководящего ареопага компании стали регулярными, планируемыми заранее. Последнее особенно понравилось Павлу Петровичу. Импульсивную, хаотичную жизнь “тройного Пэ” внезапные выезды напрягали порой не меньше, чем неожиданный звонок в дверь в момент пика рассуждений о взнезменных цивилизациях перед женщиной в постели.

Постовой знал Широкова уже четыре года. Первый раз встретил его в Москве, в вотчине главного приватизатора России Чубайса — в Комитете по управлению государственным имуществом, где Павел Петрович играл не последнюю скрипку. Тогда Широков только-только осваивался с новой для себя ролью вице-президента Северной Республики и председателя республиканского правительства. Несколько месяцев назад развалили Советский Союз. На кочках истории тряслась Россия. Скрипели и лопались хозяйственно-финансовые связи. Похожий на пингвина Гайдар с раздутым лицом утопленника радостно предвещал скорую смерть казарменной экономики.

У Северной Республики главным богатством были алмазы и золото. Хитрый, осторожный и расчётливый её руководитель неожиданно для всех, в том числе для себя, сделал рискованный шаг. Вскоре после августовского ГКЧП, но ещё при существовании СССР и его законов, послал телеграмму Борису Ельцину, где сообщил, что республика прекращает отгрузку золота и алмазов в союзное распоряжение. В недавнее время его немедленно сняли бы со всех постов и посадили в тюрьму, а ещё раньше — просто расстреляли.

Теперь же такой ход конём сразу приподнял невысокого ростом северного человека над толпой сторонников новой российской власти, и его лицо стало одним из символов национальной демократии.

А через три дня после Беловежскогоговора о роспуске Советского Союза северный лидер привёз в Москву крупный алмаз. По традиции все алмазы весом свыше 50 карат (один карат — 0,2 грамма) получают собственные имена. Этот весил почти 242 карата. Его назвали “Свободная Россия” и вручили Борису Ельцину. После чего тот в соседней комнате подписал Указ о праве республики распоряжаться природными ресурсами на своей территории.

Столь ловкий и уже совсем безопасный поступок принёс лидеру Северной Республики много дополнительных дивидендов. Через 19 дней он выиграл президентские выборы. Тогда-то по республике впервые прокатилась волна известности Владислава Широкова. Мудрый 54-летний лидер предложил 38-летнему министру строительства, проработавшему в этой должности всего полгода, пойти с ним на выборы в качестве вице-президента.

Многих в окружении лидера это невероятно удивило. Рядом ходили куда более известные люди, чьи фамилии были у всех на слуху. Конечно, популярность главы республики поднялась так высоко, что в паре с ним могли избрать хоть тибетскую ламу. Но Широков... Кто он такой? Несколько лет после института поработал в строительстве. Немного — в обкоме партии. Три года (последние годы советской власти) учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС. И вот на тебе — кандидат в вице-президенты! Не потерял ли нюх глава Северной Республики?

Оказалось, не потерял. Наоборот, всё просчитал. В республике много русских. Особенно — в Алмазной провинции, где на стройках делал карьеру Широков. Значит, можно полагаться на их голоса. Известные никуда не денутся, зато молодым надо показать, что у них есть хорошие шансы. Наконец, в московской Академии Владислав Широков защитил диссертацию, стал кандидатом экономических наук, учился управлению экономическими процессами в новых условиях, а их-то как раз и надо было создавать на руинах прежнего мироустройства.

Надо сказать, удивился и Широков, хотя виду не подал. Втайне он давно верил в свои неординарные возможности лидера, и эту веру в нём то и дело укрепляла жизнь. Одарённый от Бога какой-то фантастической памятью, беспокойным умом и упрямой волей этот симпатичный молодой мужчина, фигурой похожий на спортсмена-тяжелоатлета, без колебаний пошёл пристязным на президентские выборы.

После победы, согласно местной конституции, Широков стал одновременно вице-президентом и премьер-министром республиканского правительства. То есть на одну ногу надел лакированный туфель свадебного генерала, на другую — резиновый сапог прораба беспросветной стройки.

Свободная Россия стремительно летела в социально-экономические тартары. Обесценивались идеи, жизни, деньги. Если ещё недавно накопленных экскаваторщиком или бульдозеристом алмазного карьера 18–20 тысяч

рублей могло хватить на покупку хорошей кооперативной квартиры в Центральной России, то теперь столько стоил один ботинок. И тот без шнурка. Миллионы растерянных людей не знали, чего ожидать от завтрашнего дня, а тем более — от следующего месяца. Появившиеся из каких-то щелей огромной страны, ещё вчера никому неизвестные *человеки*, роняя слюну вождельения, азартно всучали враз обедневшим гражданам не просто надежды, а полную уверенность в скором богатстве. Сначала — с помощью ваучеров. Потом — благодаря приватизации ничейной собственности. Так они называли собственность государства, состоящую из заводов и фабрик, нефтяных и газовых месторождений, самолётов, пароходов, зданий и другого несметного имущества.

В действительности никакого обогащения миллионов не подразумевалось. Приватизация стала сговором небольшой кучки передельщиков с целью захвата этой самой собственности.

Павел Петрович Постовой относил себя к людям эпохального измерения. Именно он и ещё несколько *“человеков из щелей”* соорудили нечто вроде проекта закона о приватизации. Однако парламент набор их увёрток отклонил, а значит, законом они не стали. Тогда *“щелевые человеки”* — по сути своей, наглые шулера и прохиндеи, решили обойти парламент с помощью президентского Указа. Существовал порядок: если депутаты в течение недели Указ не отменяют, он становится как бы законом.

Запойного Ельцина облапошить не составляло труда. Надо было внушить, что парламент хочет отнять у него власть. А это всё равно, что попробовать отобрать у голодного льва только что задавленную газель.

Дождавшись, когда у парламента начались каникулы и депутаты разъехались по стране, главарь приватизаторов Чубайс немедленно пришёл к главе государства с проектом Указа. Подготовленный президент тут же его подписал.

Этого было достаточно, чтобы открыть дорогу новым конкистадорам к государственной собственности России. Предприятия стоимостью в миллиарды долларов отдавали в сотни раз дешевле. Так, московский автомобильный завод имени Лихачёва сбыли за одну двухсотпятидесятую часть его цены. Гигантский “Уралмаш”, который называли “заводом заводов”, продали по цене небольшой европейской пекарни. К тому же, не за реальные деньги, а за ваучеры — эти скупленные ловкачами у населения безымянные бумажки.

Всё государственное переходило задарма в цепкие руки самих приватизаторов, их родственников из-за границы, получивших иностранное гражданство всего несколько месяцев назад, а также других *“человеков из щелей”*. Пятьсот крупнейших предприятий России, стоимостью, по самым заниженным оценкам, более 200 миллиардов долларов, были проданы за 7 миллиардов. Распродажа шла, как в оккупированной стране. Изумления не скрывали даже зарубежные фирмы. В Англии консультационные агентства в своих изданиях открытым текстом торопили клиентов ехать в Россию, чтобы не упустить единственный в истории человечества шанс.

* * *

Алмазная индустрия представляла собой один из самых волнующих активов. Но подобраться к нему по той же схеме, как к другим, было трудно. Создавая компанию “АПРОСЁВ”, дальновидные люди предусмотрели для неё не одну, а несколько опор. 32 процента акций было у федеральной власти. Столько же находилось в распоряжении республики. Кроме того, владельцами акций были восемь районов, где добывали алмазы, трудовой коллектив и фонд поддержки военнослужащих. Наконец, компания являлась закрытым акционерным обществом, что не давало приватизаторам возможности проникнуть внутрь. Душить можно было только снаружи.

И петлю начали стягивать. Тем более что опыт уже был. Его дала судьба золотодобывающей промышленности.

При советской власти Северную Республику называли “валютным цехом страны”. Кроме алмазов, здесь добывали значительную часть отечественного золота. Крупные объединения и старательские артели с десятками тысяч работников, с рудниками, приисками и комбинатами в некоторые годы отгружали в казну до 35 тонн драгоценного металла. Объединения строили и содержали города и посёлки, создавали нормальные условия для жизни не только своих работников, но и местного населения. Артели, несмотря на древнее название, на самом деле тоже были современными предприятиями, технически хорошо оснащёнными, с геологическими службами и, как правило, с отличными бытовыми условиями, что для Крайнего Севера имело очень важное значение.

Финансовые взаимоотношения государства и золотодобытчиков были давно отлажены: утром — золото, вечером — деньги. Оплата за отгруженный металл производилась без задержек. Особенно следили за поступлением оборотных средств при подготовке к “северному завозу”. Нужно было закупить, а потом за короткое полярное лето, пока реки становятся судоходными, доставить в далёкие и глухие места десятки тысяч тонн различных грузов, начиная от продовольствия и кончая оборудованием, машинами, горючим.

Призыв о разделении, как быстром способе разбогатеть, нашёл больше всего сторонников в золотодобывающей отрасли. Вместо 10 крупных территориальных предприятий в России появилось 600 с лишним компаний. Сдавая драгоценный металл в государственное хранилище, они рассчитывали, как и прежде, сразу получить оборотные средства. Но эту армию никто не собирался сохранять. Задача была довести их до нищеты, разорить и подготовить отрасль к захвату богатыми зарубежными фирмами. Разрозненные, быстро теряющие объёмы добычи — некоторым “освободившимся” удалось вместо тонн получить лишь несколько килограммов золота в год — компании-огрызки бросились за кредитами в банки. Им дали. Только проценты установили такие, чтобы кредит невозможно было вернуть. Через два-три года после разделения почти все золотодобывающие предприятия России прекратили существование. Разрывая экономический монолит, они думали, что найдут золотую жилу. Оказалось, нашли дорогу в могилу.

Компания “АЛПРОСЕВ”, напротив, упорно держалась за целостность. В глубоких карьерах зимой и летом гремели взрывы. Могучие экскаваторы, в каждом ковше которых могли встать в полный рост несколько высоких мужчин, грузили миллионы тонн взорванной руды в кузова самосвалов-циклопов. Рычащие левиафаны с колёсами трёхметрового диаметра везли из глубоких карьеров по серпантину дорог руду на фабрики. Там её измельчали в бесшаровых мельницах, с водой гоняли десятки километров по трубам, чтобы на выходе из паутины труб и транспортёров, в не видимых глазу рентгеновских лучах, среди мокрой грязи сверкнула зеленоватая искра. Так под рентгеном проявлялся алмаз — будущий бриллиант. Из грязи — в князи.

В силу бытовой скромности родительской жизни, а также из-за невысоких собственных зарплат, Павел Петрович до разгула приватизации и назначения в Наблюдательный совет компании “АЛПРОСЕВ” о бриллиантах лишь читал. Иногда видел в советском кино. В “Бриллиантовой руке”, в фильме “Бриллианты для диктатуры пролетариата”.

После перемен в стране и в личной жизни последняя кинокартина чаще всего стала приходить на ум. Только при слове “пролетариат” он мысленно видел не каких-то грязных работяг, а вполне отмытых своих сообщников и, разумеется, самого себя. При этом расширение круга диктаторов считал крайне нецелесообразным.

Особенно он укрёпился в такой мысли, когда впервые увидел несколько штук бриллиантов на своей ладони. Они были невесомы. Даже женственная кожа его ладошки не почувствовала их давления. Однако компьютерный ум “тройного Пэ” мгновенно высчитал фантастическую цену этого перелива сверканий. Они стоили столько же, сколько 10-килограммовый слиток золота, или вагон меди, или железнодорожный состав чугуна.

Под такой невероятной тяжестью ладошка сама пошла вниз. Но строгий, конвойный взгляд Широкова заставил Павла Петровича вернуть взятое на время богатство.

КАК ПУСТИЛИ БАРАШКА В АЛМАЗНЫЙ “ОГОРОД”

Заместитель министра финансов Российской Федерации Носоватый не любил распространяться о своей работе. Когда этого невысокого, брюшкового мужчину предпенсионного возраста, с непроницаемым тусклым взглядом тёмных глаз спрашивали, что он делает в помпезном здании 1910 года постройки — там размещался Минфин, — он неохотно отвечал: “Служу”. Поэтому мало знающие его люди думали, что Арнольд Григорьевич имеет дело лишь с какими-то бумагами, сплошь испещрёнными цифрами, а некоторые, ориентируясь на старые советские фильмы о скаредных бухгалтерах, даже представляли Носоватого на рабочем месте в нарукавниках, оберегающих рукава единственного костюма от истирания об стол и те самые бумаги.

Но костюмов у замминистра было более чем достаточно. Жил он тихо, не привлекая внимания, однако в значительном богатстве. Ведь Арнольд Григорьевич курировал Главдрагмет и находящийся там Гохран. А сидеть у воды и не протянуть руку, чтобы напиться, — это было из времён Иосифа Виссарионовича. Во времена Бориса Николаевича кто что хранил, тот то и имел. Когда Телков задумал разместить в таинственном от секретности Гохране израильские оградочные фирмы, он выразительно поглядел на куратора. Тот, не отводя глаз, так же безмолвно обозначил авантюристу свои условия.

С той поры куратор и курируемый действовали по принципу: ты — мне, я — тебе. Телков на деньги Главдрагмета купил дорогой немецкий внедорожник и предоставил его в безраздельное пользование Носоватому вместе с двумя шофёрами и полным обслуживанием. За счёт Главдрагмета возил Носоватого в заграничные командировки и на престижные курорты: от сидячей работы и неправильного питания заместителя министра раздувало, как тесто на дрожжах. Затем Телков ввёл Арнольда Григорьевича в общественный совет, специально созданный при Главдрагмете для нужных людей. После чего замминистра стал снисходительно глядеть на конверты с “государевой” зарплатой — доход от общественной работы был в девять раз больше.

Взамен Илья Михайлович без лишних вопросов получал подписи Носоватого на документах, которые определяли квотное количество алмазов, выделяемых для иностранных и совместных с иностранцами предприятий. Квоты эти могли поразить даже далёких от оградочной отрасли людей. А знакомый с этой сферой человек упал бы в обморок или сразу позвонил в ФСК. Так, в декабре 1994 года двум государственным заводам “Кристалл” — Смоленскому и Московскому — отпустили из кладовых Гохрана 33 тысячи карат алмазов. На заводах было 1800 рабочих мест, и загрузка предприятий не превышала 60 процентов. Однако ровно столько же алмазов получило СП “Сапфир”, где, согласно уставным документам, имелось всего 19 рабочих мест. Это было всё равно, что воробью дать мешок пшеницы.

Куда должна была уйти столь необъятная для крошечного “Сапфира” масса драгоценных камней? Оба государственных чиновника — Телков и Носоватый — хорошо знали. За границу. В тайниках чемоданов и сумок. В корсетах и лифчиках курьерш. В бумажниках и ботинках курьеров. Отловить контрабандистов можно было только агентурным путём, ибо никаких технических средств обнаружить спрятанный алмаз не существовало.

При этом государственным заводам выделялись камни среднего качества. А зарубежные фирмы и созданные ими СП получали алмазы крупных размеров и уникальных характеристик. Всего один карат таких камней, то есть 0,2 грамма, стоил по мировым ценам тысячу с лишним долларов, и получались из этих алмазов очень дорогие бриллианты.

Однако, чем больше разбухал контрабандный алмазный поток из России, тем сильнее переживал Носоватый. Но не потому, что заметно сокращались огромные советские запасы Гохрана. Волновала упускаемая возможность

ответи от баснословного потока драгоценный сверкающий ручей в свою сторону. Это можно было сделать, лишь взяв в собственные руки управленческую лопату для отвода ручейка. Так поступили многие государственные чиновники. Соучредителями совместных предприятий с иностранным капиталом становились руководящие работники Главдрагмета, различных министерств и даже — что совсем невероятно! — важные чиновники из Администрации президента России. Арнольд Григорьевич тоже хотел было присмотреть какое-нибудь СП. Но скрытный и не публичный, в отличие от своего напарника Телкова, он, к тому же, был и осторожен. Знал, что ни в одной нормальной стране мира не допустят, чтобы государственный служащий, да ещё высокого ранга, входил в руководство коммерческой фирмы. Самое малое — уволят. В худшем случае — посадят. Поэтому своей “лопатой” решил сделать собственного зятя. Однажды, провожая Телкова до дверей своего кабинета — в тот раз Илья Михайлович лично приехал подписать квоты для двух совместных предприятий, — Носоватый бесцветно проговорил:

— Не знаю, куда парня пристроить...

— Кого это?

— Да зятя... Алёшку... Способный малый. Я б даже сказал: где-то талант. Школу кончил раньше всех. Сразу после института защитил кандидатскую. Поработал кой-где... В милиции — на Петровке, с арабами тоже...

— А специальность у него какая?

— Экономист он... прямо скажу: толковый экономист.

Телков на миг задумался:

— Пришли-ка его ко мне. Какая у него фамилия, чтоб знать, на кого пропуск?

— Барашек. Алексей Барашек.

Илья Михайлович от неожиданности встал, с усмешкой осклабился:

— Надо же... Какая чудная фамилия.

— Почему чудная? — обиженноотреагировал Носоватый. — Взял фамилию моей дочери. Она у меня по мужу... по первому мужу — Барашек. Алексей записался на неё. Вот у него фамилия была чудная. Бляйхер.

— Да ладно... Эт я так... Присылай.

Илье Михайловичу зять куратора глянулся. Высокий тридцатидвухлетний парень с симпатичным лицом и карими глазами, которые почти осязаемо излучали обаяние, рассказал Телкову о себе. Всё у него складывалось удачно, и даже последняя работа в коммерческой фирме, торговавшей противогАЗами, была успешной. Правда, этот бизнес несколько обескуражил руководителя Главдрагмета.

— ПротивогАЗы... И берут их? Кому они сейчас нужны?

— Берут, Илья Михалыч! Не сказать нарасхват, но разбирают! В Африке — одни племена ещё за социализм, другие — давно за капитализм. Утверждать правоту своих идей с луками и копьями перестали. Цивилизация. Стоит в главной газете какого-нибудь племени написать — не в лоб, конечно, а вроде утечку дать, — что соседнее племя, разумеется, другой, капиталистической ориентации ведёт переговоры о закупке боевых отравляющих веществ, как вожди социалистического племени ищут, чем ответить. Тут им наши люди и подсказывают... Для начала... для защиты армии и народа возьмите противогАЗы.

— Ловкие ваши люди... Нашим бы вождям кто внушил...

— Да, избавиться от кабалы “Де Бирса”, — сразу ухватил невысказанную мысль Телкова сообразительный гость. Он знал от тестя, что руководитель Главдрагмета везде, где есть возможность открыть рот, сразу начинает носить “Де Бирс” как грабителя России. “Действительно, что ли, грабит нас этот алмазный спрут?” — спросил однажды тестя Барашек. “Да нет, конечно, — усмехнулся Носоватый. — Он мешает по обходному каналу вывозить алмазы. Требуется, чтоб мы перекрыли этот канал. Как в прежних соглашениях было записано: никаких “левых” алмазов на мировом рынке быть не должно. Иначе упадут цены и пострадают все... Кроме “левых” алмазтеров...” — “Значит, Илье Михалычу российская выгода до лампочки? — догадался зять. — Даже до перегоревшей. Но нам-то о своём интересе надо

подумать? Поэтому пусть “Де Бирс” выглядит врагом, и с ним надо бороться... — “Понятно”. — “Карфаген должен быть разрушен...” — “Какой ещё Карфаген?” — не понял тесть. “Город-государство в древнем мире, — объяснил Барашек. — И был такой римский сенатор Катон Старший. Он каждую речь в сенате заканчивал словами: “А кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен”. О чём бы ни говорил до этого, всегда кончал одним и тем же. Как сейчас Илья Михалыч про “Де Бирс”.

Поэтому, чутко уловив желание Телкова заявить о ненависти к алмазному монополисту и своей патриотической позиции, молодой человек вдохновился:

— Вы абсолютно правы, Илья Михалыч! Россия может потеснить этого монстра на мировом рынке алмазов. У моих людей... — считайте, у меня — есть очень тесные связи, я бы сказал, бриллиантовые отношения с кронпринцем Ботсваны Кгодумо Первым. Знаете такую страну?

— Знаю, — с любопытством поглядел на Барашка Телков. — Богатая алмазами.

— Вот именно! Особенно — ювелирными. Мы сейчас ждём его скорой свадьбы с принцессой Лесото. Помогаем ему... Сватаем... Кронпринц — это наследник. Король в Ботсване — старый, и как только наследник женится, его провозгласят королём. А он уже сейчас готов выходить на мировой рынок со своими алмазами не через “Де Бирс”, а через Россию. Будет продавать нам, а дальше наше дело: кто покупатель, какая цена.

Барашек нёс полную чепуху. Он лишь догадывался, что Ботсвана находится где-то в Африке, но, конечно, знать не знал, что никакого кронпринца Кгодумо Первого там не существует, потому что эта страна является президентской республикой. Как не было и готовой к замужеству принцессы в государстве Лесото, ибо местный король сам ещё ходил в молодых холостяках. Однако увидев интерес руководителя Главдрагмета, молодой человек возбудился, даже встал со стула, снова сел и, чем дальше говорил, тем больше верил сам в придуманную им сказку.

Поверил в неё, хотя с некоторыми сомнениями, и Телков. Чем-то фантастическим отдавала вдохновенная речь молодого человека. “Арап, — подумал многоопытный Илья Михайлович. — Похоже, ему сбрехнуть, что сигарету стрельнуть”. К тому же не очень вязались торговля противогАЗами и алмазный кронпринц. Но видя, как ещё вчерашние прохиндеи, знавшие об алмазе только как о стеклорезе, став учредителями ограниченных фирм, превращаются в бриллиантовых принцев и даже королей, Илья Михайлович решил реализовать с помощью Барашка давно задуманную операцию. Добавить к скрытому “левому” каналу вывоза драгоценностей из России канал полуправильный. А более удобного помощника, чем зять заместителя министра финансов, курирующего Гохран, нельзя было найти.

Но сначала требовалось создать за границей, а лучше — в Соединённых Штатах, главном потребителе бриллиантов, фирму, через которую российские алмазы пойдут на мировой рынок. На меморандум с “Де Бирс” Телков не обращал внимания. Он был убеждён, что у “этой бумажки” короткая жизнь. Главный документ — новое торговое соглашение. А появиться соглашению ни он, ни владельцы фальшивых ограниченных СП, открывающие теперь ногой двери самых высоких властных кабинетов, не позволят. Энергичный и находчивый в любой ситуации, Илья Михайлович после встречи с зятем замминистра финансов закипел, как вулкан, готовый к извержению. Пока отправленный в Сан-Франциско Алексей Барашек придумывал с рекомендованными ему компаньонами название фирмы и делил доли участия каждого, Телков обходил одного за другим нужных людей. Руководитель Главдрагмета рассказывал о скорой венценосной свадьбе в Африке, ругал “Де Бирс”, обещал в случае поддержки его идеи добиться от США кредита для России в полмиллиарда долларов. Правда, добавлял он, под небольшой залог.

Через некоторое время из Штатов вернулся Барашек.

— Чем порадуешь? — спросил Телков.

— Придумали название. Это будет международная корпорация “Даймонд АБРА”.

— Даймонд — понятно. Алмаз... бриллиант... А дальше что такое?

— Инициалы учредителей. АБ — Алексей Барашек, Р — Рубен, А — Амаяк. Они говорят, что два брата. Армяне. Фамилия — Макаряна. Кстати, переводится как крокодил.

— Почему ж у них по букве, а у тебя — две?

— Потому, Илья Михалыч, что у меня 60 процентов, а у них по двадцать.

Телков поморщился: затевается серьёзная операция, а тут — игра в буквы. Абракадабра какая-то...

— Поедешь на наш завод. Я велел директору подготовить проект договора с американской фирмой... Название сам ему скажешь. Переведёт он твоей Абракадабре... А-а... Её ж пока нету... Куда переводить деньги?

— Я дам счёт Рубена. Свой пока не открыл

Директор завода выполнил указание Телкова. Заключил договор с несуществующей корпорацией о том, что все алмазы, которые завод отправит этой фирме, она может представлять как свою собственность. Другим договором перевёл на лицевой счёт Рубена Макаряна один миллион триста тысяч долларов.

Через две недели в Сан-Франциско была зарегистрирована корпорация "Даймонд АБРА". Уставной капитал фирмы составил ровно ту сумму, которую отправил в Америку российский государственный граничный завод. На эти деньги учредители купили здание под будущее гранильное производство с надёжно защищёнными складами и охраной. Теперь можно было принимать драгоценности.

А Телков в это время строил легенду для открытия канала. Вместе с начальником валютно-финансового отдела Правительства России Питерским, который отвечал в кабинете министров за операции с драгоценностями, подготовил служебную записку и проект распоряжения за подписью министра финансов. В записке говорилось, что американская корпорация получила согласие главного банка США об открытии для России кредитной линии в пятьсот миллионов долларов. Но для гарантий возврата займа корпорация должна представить банку первую часть залога из бриллиантов в размере 10 тысяч карат. Потом предполагалось довести поставки бриллиантов до 20 тысяч карат каждый месяц. Распоряжение министра должно было всё это утвердить.

— Правда, американцы, как вы знаете, Борис Григорьевич, народ капризный, — с показной озабоченностью сказал Питерский министру. — Могут не удовлетвориться одними бриллиантами. Мы предлагаем...

Искусшённый в чиновных интригах Питерский многозначительно помолчал, давая понять, что это не его личное мнение, а людей из окружения премьера.

— Что конкретно? — решительным тоном спросил министр, в недавнем прошлом консультант ЦК КПСС, а теперь отъявленный демократ.

— Для более надёжного обеспечения кредита дать поручение Главдрагмету, — заговорил Питерский, с нарочитой строгостью взглянув на Телкова, — поставлять корпорации не только бриллианты. Надо бы ещё необработанные алмазы. А также золото... серебро...

Министр прочитал проект распоряжения. Поглядел на своего заместителя Носоватого, который сидел молча. Тот кивнул. Министр расписался.

— Согласен. Только все документы и переписку — засекретить.

Телков и его новый компаньон были довольны. Подпись министра открывала, вдобавок к существующему подпольному каналу, ещё один путь. И, как полагал Илья Михайлович, не менее удачный.

Через некоторое время в Сан-Франциско из кладовых российского Гохрана в адрес безвестной корпорации были отправлены первые контейнеры. В них находилось пять тонн золотых монет. В том числе — старинные французские золотые франки, английские фунты стерлингов, российские монеты с изображением Петра Первого, золото царской чеканки. В этой же первой партии прибыло полтонны старинной серебряной посуды, относящейся к антиквариату, сорок килограммов уникальных ювелирных изделий — кольца, броши, браслеты, ожерелья, серьги, — каждое из которых являлось произведением искусства. Отдельно были доставлены двадцать пять тысяч каратов

бриллиантов, сорок тысяч каратов алмазов. Кроме того, в специальных больших ящиках были упакованы полудрагоценные камни — топазы, аметисты, изумруды, некоторые размером с кулак, а также принадлежавшие царской семье пасхальные яйца работы Фаберже, изделия из слоновой кости.

В описи стояла цена отправленного — 95 миллионов долларов США. Илья Михайлович пролистал документы и улыбнулся. Всё это стоило раза в четыре дороже. Ведь бриллианты в Гохране, в выходной день, когда никто не имел права заходить в кладовые, по его поручению отбирал лично Дэвид Куклис — владелец диамантерской фирмы *Star river*, который специально занижал их цену, чтобы потом добавить в свою “Звёздную реку” — так переводилось название фирмы — несколько миллионов долларов. Намного была уменьшена, по сравнению с рыночной, и цена всего остального.

Когда груз прибыл в Сан-Франциско, Барашек позвонил Телкову:

— Господин директор, готовьтесь к торжественному открытию нашей с вами корпорации.

* * *

Илья Михайлович не раз вспоминал те очаровательные дни. Вместе с Никольской, Питерским, Носоватым, своим первым заместителем Каплуном, начальником управления из Администрации президента России Каштановым и генералом таможенной службы они прилетели в Соединённые Штаты. В аэропорту Сан-Франциско их встретил Алексей Барашек. На двух просторных лимузинах гости поехали в город. Был сентябрь — самый тёплый здешний месяц. И одновременно самый туманный. Пока ехали в тумане из аэропорта, Барашек рассказывал сидящим с ним в машине Телкову, Никольской и тестю об особенностях местного климата.

— Город — на широте нашего Сочи. Но посвежей, потому что окружён с трёх сторон водой. С одной стороны — Тихий океан. Здесь у него холодное течение, поэтому в Сан-Франциско часто туманы. Они — визитная карточка города. В другие месяцы туманы держатся целыми днями. Сейчас рассеиваются быстро. Вон... Уже всё хорошо видно.

Телков и Носоватый с интересом глядели по сторонам. Никольская сидела между ними. Чтобы увидеть называемые Барашком достопримечательности, то и дело прислонялась в Илье Михайловичу. Все трое были здесь впервые. В Нью-Йорке и Лос-Анджелесе начальник Главдрагмета с журналисткой бывал не раз. Там стал продавать свои бриллианты Смоленский завод “Кристалл”, и Телков как представитель государственного органа приезжал вроде бы поинтересоваться организацией дела. Носоватый объездил не одну страну, однако в Соединённые Штаты не попал. Поэтому с любопытством слушал зятя и немного гордился выбором дочери. До этого он воспринимал Алёшку с некоторым опасением: тот иногда высказывал сомнительные идеи.

Во второй машине ехали остальные трое. Гидом у них был Рубен Макарян. Амаяк ждал гостей возле отеля *The Fairmont San Francisco*. В обиходе постояльцы и жители города называли его просто “Фермонт”. Но эта простота больше напоминала уважительное почтение к хоть и не молодому, но богатому, влиятельному и полному сил человеку. Алексей сразу решил, где он поселит своих гостей, ибо “Фермонт” был самым лучшим и дорогим отелем в Сан-Франциско. Он сам жил здесь до того, как купил себе дом.

Подъезжая к отелю, Барашек бесцветным тоном, как о солидном приятеле, который для кого-то — недостижимая величина, а для него — ровня, рассказывал о том, где гости будут жить. Отель стоит на холме Ноб Хилл, одном из сорока с лишним холмов Сан-Франциско. Это самый престижный район с наиболее дорогими отелями. Живут здесь только очень богатые люди. “Фермонт” построен в 1906 году, незадолго до катастрофического землетрясения. Оно разрушило 80 процентов зданий. Однако новый отель уцелел. С той поры, заметил Барашек, началась его великая история.

— В 1945 году здесь проходила конференция делегатов из пятидесяти стран, — повернулся к гостям хозяин. — На ней была образована Организация Объединённых Наций. В “Фермонте” снимался фильм по роману Артура Хейли “Отель”. Здесь останавливались короли, американские президенты Теодор Рузвельт и Уильям Тафт... Жили знаменитые артисты, певцы, политики.

Барашек хотел сказать: жил и я, но машина в этот момент подъехала к отелю, и хозяин корпорации увидел одного из своих соучредителей. Тот был одет по-кавказски пышно, приветливо улыбался, и Телков с удовлетворением подумал, что, кажется, он не ошибся в ребятах.

Гостей повели каждого в свои апартаменты. Когда Илья Михайлович в сопровождении Барашка поднялся на верх отеля в предназначенный ему пентхаус, то сначала не смог говорить. Только повторял время от времени: “Ничего себе! Ого!..”

Удивляться было чему. Даже видавшего немало дорогих отелей Телкова поразил величественный номер. Его площадь, как с готовностью сообщил Барашек, составляла 560 метров. Здесь было три спальни, четыре ванных комнаты, гостиная с камином, кабинет, бильярдный стол. С просторной террасы открывалась панорама города, часть залива. Телков окинул взглядом распростёршийся перед ним Сан-Франциско и вернулся в гостиную.

— И сколько? — обвёл рукой пространство перед собой.

— Да ерунда, Илья Михальч! — довольно улыбнулся Барашек. — Пятнадцать тысяч долларов за ночь. Зато вам будет удобно. Можете принять гостей — и никаких соседей.

Он знал о подлинной роли пресс-секретаря Татьяны Никольской, был уверен, что ночевать она придёт в одну из трёх спален.

— Кстати, в этом шкафу ваш новый фрак, Илья Михальч. Куплен вам. И такой же — для Арнольда Григорьевича. Завтра, если не возражаете, повозим вас по городу.

Телков любил деньги. Ему казалось, что он даже физически чувствует, как прилив денег добавляет ему силы в мышцы и делает острее ум. Но Илья Михайлович любил и шик. Прожив жизнь, как многие советские люди, в вынужденном аскетизме, он в последние годы стал позволять себе побаловать себя. Однако при этом старался зря деньги не тратить. А что такое в его понимании было “зря”? Как раз житьё в таких апартаментах. Поэтому, продолжая восхищаться богатством обстановки, Илья Михайлович отечески пожурил Барашка:

— Шикарно всё это, Алексей. Не обратили бы внимание...

— Вы зря волнуетесь, господин директор! — несколько шутливым, но в то же время явно почтительным тоном возразил Барашек. — Наши сюда не доберутся. А здешние... они у меня вот здесь.

Он потёр пальцы правой руки друг о друга, как изображают пересчёт пачки денег.

— Послезавтра на презентации увидите их всех.

В назначенный день к центральной части города с мощным гулом пролетел вертолёт. Он сделал круг над несколькими зданиями и, зависнув над одним из них, сел прямо на крышу. Это был вертолёт К-32 советского производства, предназначенный для аварийно-спасательных работ и патрульной службы. И хотя машина относилась к среднему классу, тем не менее, от вихрей, поднятых шестнадцатиметровыми лопастями, в окнах некоторых домов по соседству вылетели стёкла.

Но никто из двухсот гостей, поднявшихся на крышу здания после посадки туда вертолёта, не взволновался. Мэр Сан-Франциско, начальник городской полиции, представители властей штата Калифорния, крупные бизнесмены — все знали, что русский вертолёт — это подарок корпорации местной полиции. А замена вылетевших стёкол с хорошей компенсацией за беспокоество для баснословно богатой фирмы вообще пустяки.

Презентация началась тут же на плоской крыше, раскрашенной в цвета российского флага. Барашек представил американцам важных гостей из России. Илья Михайлович поднялся за столиком, раскланялся. Как и замминистра финансов Носоватый, он был во фраке. Белая бабочка скованно давила

шею — обычно Телков носил галстуки, которые в последнее время ему подарила Никольская. Но торжественный случай обязывал. Руководитель Главдрагмета коротко сказал о деловом сотрудничестве двух стран. Барашек перевёл. Желая подчеркнуть значительность российской делегации, Алексей подробно назвал весь титул своего тестя. Арнольд Григорьевич только поклонился в разные стороны, но говорить ничего не стал. Зато его зять, вынув из стойки микрофон, воодушевился.

— Леди и джентльмены! Мы рады приветствовать вас на таком знаменательном событии, как презентация главного офиса международной корпорации в одном из лучших городов Соединённых Штатов Америки. Под вами... буквально под вашими ногами — несколько этажей будущего процветания Сан-Франциско. Мы открываем фабрику по огранке российских алмазов в бриллианты. Затем из этих бриллиантов и доставленного вам дружественной Россией золота другая фабрика нашей корпорации будет изготавливать ювелирные изделия. Высокооплачиваемые рабочие места, солидные налоги, которые станет перечислять наша фирма в местный бюджет, сделают жизнь в Сан-Франциско ещё более привлекательной и богатой. Ваш город, где до сегодняшнего дня не занимались ограночным производством, в течение короткого времени получит статус “бриллиантовой столицы” Соединённых Штатов. А там недалеко и до мировой короны. С помощью нашей корпорации вы затмите славу Антверпена, Тель-Авива и Москвы. В Сан-Франциско потекут алмазы со всего мира, и в первую очередь российские, чтобы превратиться здесь в бриллианты.

С удовольствием слушая своего подопечного, Телков вдруг подумал, что речь Барашка отдаёт чем-то знакомым. И тут же вспомнил: это был с детства любимый Остап Бендер! Такими же завораживающими словами великий комбинатор внушал любителям шахмат в заштатных Васюках, что скоро их безвестный городишко превратится сначала в общегосударственную шахматную столицу, потом — в мировую и, наконец, в космическую. “Хорошо, что наш остановился пока на мировом уровне, — с нарастающим беспокойством оценил Телков. — Арап... Самый настоящий... Кажется, его надо держать за фалды”, — пришло на ум давнее выражение.

Оно появилось при виде расхаживающего между столиками Барашка. Фалды его фрака колыхались, как крылья подстреленной птицы, сам глава корпорации был весел, шутил на английском и то тут, то там рядом с ним вспыхивал смех.

Наконец, он снова поднёс микрофон к губам, обнажив запястье левой руки, и Телков увидел дорогие часы. “Тысяч на пятьдесят... В долларах...” — сообразил Илья Михайлович. Похоже, специально продемонстрированные часы увидели и американцы. За столиками восторженно загомонили. Если глава корпорации может позволить себе такое, то какими же богатствами владеет он и его компаньоны, которые ходят тут же по расцвеченной крыше? На каждом из них были дорогие смокинги, в запонках и на галстуках у обоих их меркали крупные бриллианты.

Гости пили шампанское, черпали антикварными российскими ложечками из старинных серебряных икорниц, принадлежавших царскому дому Романовых, чёрную и красную икру, говорили ответные речи. Довольный устроенным приёмом, Барашек слегка кашлянул в микрофон, привлекая внимание.

— Господа! Позвольте сказать ещё об одном обстоятельстве. У Сан-Франциско есть несколько городов-побратимов. Но что это за города? Я не хочу их обидеть, даже маленький городок, если он стал побратимом вашего мегаполиса, может гордиться таким родством. Только есть ещё один город, который достоин быть братом будущей “бриллиантовой” столицы мира. Это Москва — алмазная столица России. Здесь присутствуют люди, близкие к руководству нашей страны. И мы попросим их, чтобы они донесли до руководителей Российской Федерации озабоченность корпорации такой, прямо скажем, несправедливой ситуацией.

Когда Никольская перевела слова Барашка сидящим рядом Телкову и Носоватому, оба сообщника напряглись и переглянулись. “Этот прохвост может нас подставить”, — со страхом подумал о зяте трусоватый Арнольд

Григорьевич. А Телков впервые засомневался в своём выборе. “На того ли я поставил?” — озабоченно сдвинул он редкие брови.

Илья Михайлович имел основания задуматься. Недооценка вывезенных сокровищ не очень беспокоила его. Это ещё надо доказать, что отобранные бриллианты могут стоить дороже. Могут дороже, а могут и дешевле. Рынок и субъективизм всегда ходят рядом. А вот первая партия драгоценностей на 95 миллионов долларов, отпущенных заграничной фирме без предоплаты и даже без гарантийных писем, — такое при неосторожном поведении Барашка и его компаньонов может привлечь внимание. Но он не зря взял себе в корпорации должность директора по связям с Россией. Ни один серьёзный шаг не будет сделан без согласования с ним.

И, как полагал Илья Михайлович, все крупные акции фирма проводила под его контролем. Покупала дорогие особняки и виллы — Телков об этом знал: могло пригодиться для подарков очень нужным людям. В том числе себе — на старость. Создавала в разных странах дочерние компании — это было нужно для переброски денег и запутывания гохрановских следов. Ту же компанию “Алмаз Урала” Барашек образовал как стопроцентную “дочку” корпорации для того, чтобы через неё у начальника Главдрагмета была возможность отправлять в Сан-Франциско новые партии драгоценного товара. Кто же мог подумать, что жадность руководителей фирмы “Алмаз Урала” (Телков снова в сердцах повторил про себя: “Алмаз украла”) привлечёт внимание налоговой полиции и даже ФСБ? Очень не вовремя это получилось! Его люди пока ещё прочно держали в “невывозных” три большие партии “алросевовакских” алмазов, не давая лицензии на их отправку для “Де Бирса”. Широков требует соблюдать закон... Пусть и дальше требует... Закон — это мы, а не написанные на бумаге буквы. В карьерах и на фабриках компании снова готовятся к забастовке. Надо сказать своим, чтоб подогрели профсоюз. А месяца через три посмотрим, где будет этот молодой наглец. Жалко Татьяну отдавать... Но оплачу... все страдания оплачу... Главное, убрать засранца и поднять компанию... Пускай походит по нашим кабинетам. Его не все ещё примут... Обещали мне...

ГРУЗИТЕ БРИЛЛИАНТЫ... МЕШКАМИ

Специальный агент ФБР из регионального офиса в Сан-Франциско Джек Моррисон за свою многолетнюю службу навиделся всего и всякого, а потому удивить его было трудно. Но когда он начал выполнять поручение руководства — проверить недавно обосновавшуюся в городе российскую корпорацию “Даймонд АБРА”, — Джек понял, что возможности для изумления безграничны. Проверять велели аккуратно. Российские бизнесмены были щедры к местным властям и местной полиции. Сделали дорогие подарки — один вертолёт чего стоил! Дали работу нескольким полицейским. Бросить тень на порядочную фирму было нельзя. Однако к сотрудникам ФБР поступили настаивающие сигналы о самих предпринимателях и невероятных объёмах поступающих драгоценностей. Подозревать, что бриллианты и алмазы, золото и антикварные изделия из серебра похищены в каком-то российском хранилище и вывезены преступным путём в США, оснований вроде бы не имелось. Драгоценные грузы, которыми были заполнены самолёты, сопровождали работники российской фельдсвязи — официальной государственной структуры. На презентации компании присутствовали солидные чины из правительства новой России. Значит, поставки узаконены на высшем уровне. Но зачем так много и, что не менее важно, кому? Джек Моррисон выяснил: никто из руководящей троицы никогда не торговал бриллиантами, не работал с золотом, а тем более — с алмазами. Эмигранты-армяне незадолго до появления в Сан-Франциско корпорации красили дорожные бордюры. Это был их единственный скудный заработок. Не больше понимал в драгоценном бизнесе и глава фирмы Алексей Барашек.

А ведь объёмы были потрясающими. В первой же партии привезли несколько килограммов бриллиантов. Целое ведро! Сначала Моррисон подумал,

что его информаторы не всё правильно поняли. Это какой же бешеной стоимости груз переброшен из разрушаемой России, прикидывал агент ФБР, если один бриллиант весом меньше спичечной головки мог стоить 20 тысяч долларов! И такими “спичечными головками” были заполнены мешки. Пересыпать — ещё ведра два.

А другие драгоценности! Одних золотых монет доставили пять тонн! Ну, ладно золото. Уникальные старинные монеты из Франции, Англии, США, царской России с изображением Петра Первого переплавили и слитки продали. Но с алмазами совсем другая работа! Чтобы превратить в бриллианты поступившее количество драгоценных камней, большому заводу, где трудятся пятьсот огранщиков, потребовался бы год. А в четырёхэтажном пафосном здании с колоннами из чёрного мрамора было всего около тридцати гранильщиков. Выходит, алмазы и не собираются здесь обрабатывать, понял Моррисон.

Его подозрения оправдались. Вскоре большинство бриллиантов и алмазов увезли. Только не назад, в Россию, а в Антверпен. В дочернюю фирму корпорации “Даймонд АБРА”. Там же, в Бельгии, через несколько подставных компаний их продали и деньги перевели в швейцарские банки.

Всё это специальный агент ФБР Джек Моррисон выяснил, распытывая клубок странных действий с российскими драгоценностями. Но ещё раньше он проверил сигналы о фантастических тратах денег новыми бизнесменами. Расспросы начал с продавца дорогого здания, где разместилась корпорация. Тот назвал Барашку цену: шесть миллионов долларов. Готов был снизить, если покупателю она покажется слишком большой. Однако произошло то, от чего владелец дома просто онемел.

— Даю одиннадцать миллионов, — заявил Барашек. — Только при условии, что всё будет оформлено за неделю.

Также с размахом платили он и его компаньоны за другие покупки. Зайдя в салон престижных автомобилей, глава корпорации, не скупясь, отдал больше миллиона долларов за “Ролс-Ройс” и две известные ему по фильмам о Джеймсе Бонде машины “Астон Мартин”. Потом Барашек и братья армяне за два миллиона купили три великолепных яхты. Через несколько недель выложили почти четыре миллиона долларов за три привлекательных дома: каждому своё “гнездо”.

Джек Моррисон только успевал фиксировать вызывающие даже для богатого Сан-Франциско траты “алмазно-бриллиантовой” троицы. 18 миллионов долларов за реактивный самолёт марки “Гольфстрим”. Несколько миллионов — ещё за полтора десятка яхт, катеров, автомобилей. Свыше двадцати четырёх миллионов — за семь дач на берегу горного озера Тахо в Северной Калифорнии. Там же ещё одно поместье Барашек купил для себя. Оно выделялось на общем фоне особой знаменитостью. В нём в своё время снимали фильм “Крёстный отец”, и, как сказали Моррисону, за него глава корпорации отдал 20 миллионов долларов.

Позднее с помощью Интерпола ФБР дополнительно узнало, что Барашек построил себе виллу на Бермудских островах за пять миллионов долларов. А в престижном пригороде Сан-Франциско у него был дом, который поражал каждого, кто попадал туда. Бывший владелец частной охранной фирмы Джо Айзендорф, низенький толстый мужчина пятидесяти лет, которого Барашек сделал исполнительным директором корпорации, рассказал агенту ФБР Моррисону о своём впечатлении от первого визита к российскому шефу.

— Вам что, удалось ограбить музей “Метрополитен”? — потрясённо спросил он Барашка. — Такое, — обвёл взглядом зал, — можно увидеть только там.

На стенах висели подлинники Рембрандта и Пикассо, на видных местах красовались золотые статуэтки, яйца Фаберже. Но сильнее всего Айзендорфа поразили двое полутораметровых напольных часов в футлярах, инкрустированных золотом, и шахматы из золота и серебра с бриллиантами на каждой фигуре.

У агента Моррисона создавалось впечатление, что владельцы корпорации задались целью как можно быстрее спустить привезённые драгоценности.

Серьёзные люди так себя вести не могли, и ФБР официально попросило Таможенную службу США выяснить, насколько законными были поставки в Сан-Франциско. Таможенники подключили Интерпол, а его сотрудники обратились в Министерство внутренних дел России...

* * *

Майор Отдела по борьбе с экономическими преступлениями (ОБЭП) МВД Российской Федерации Владимир Жирков с беспокойством думал о том, что докладывать начальству пока нечего. После того, как налоговая полиция обнаружила крупные махинации в работе компании “Алмаз Урала” и вместе с сотрудниками ФСБ начала расследование, было решено провести обыск в московском офисе этой фирмы. В ходе обыска, который проводили уже сотрудники ОБЭПа, следователи обнаружили тройные договоры между компанией-махинатором, Главдрагметом и корпорацией “Даймонд АБРА”. В них говорилось о поставках в адрес находящейся в Сан-Франциско корпорации большого количества драгоценностей. Удивляла стоимость отправляемого: около ста миллионов долларов. Причём из договоров следовало, что это только часть операции.

Выяснилось, что “Алмаз Урала” является дочерней компанией корпорации “Даймонд АБРА”. А поскольку офис “дочки” находился в том же доме, где располагалось московское представительство самой американской “мамаши”, следователи получили ордер на обыск и здесь. Одну из комнат, запертую на кодовый замок, открыть не удалось. По словам сотрудников, там было 57 килограммов золота в слитках. Следователь решил вернуться на следующий день со слесарем. Но когда приехал, золото пропало.

Зато документы удалось сохранить. В руки майора Жиркова — молодого, подтянутого и въедливого мужчины — попали два договора. Один был подписан начальником Главдрагмета Телковым, другой — его первым заместителем Каплуном. В обоих фигурировали бриллианты, алмазы, золото, серебро. Ценности из Гохрана Главдрагмет отпустил уральской дочке корпорации для дальнейшей отправки их в Сан-Франциско без предоплаты и даже без гарантийных писем. Жирков решил выяснить, на каком основании это было сделано и какова судьба российского добра. Написал запрос на имя самого Телкова.

Когда Илье Михайловичу принесли письмо, он нервно осклабился: “Встали на след ищейки”. Но тут же сообразил.

— Кратаева ко мне! — сказал секретарше по селектору. Юрий Зенонович Кратаев — заместитель начальника Гохрана — был из тех, кому Телков начинал осторожно доверять. Но доверие растил через проверки. Полгода назад, чувствуя, что некоторые работники Главдрагмета стали проявлять беспокойство по поводу отправленных неизвестно куда больших ценностей, Илья Михайлович послал в Сан-Франциско Кратаева.

— Прогуляйся, Юрий Зеноныч, с пользой для дела. Посмотри, как там работает эта Абракадабра... извини, я её так в шутку называю — “Даймонд АБРА”... Барашка пощупай... А то блеет он радостно, но всё ли там в порядке с нашими ценностями. Всё-таки государственные они... народные. Беречь их надо.

Как только Кратаев отправился в аэропорт, Телков позвонил Барашку.

— Помнишь Гоголя? К тебе едет ревизор. Не совсем настоящий, но всё-таки держи хвост пистолетом. Встреть, как следует. Ты это умеешь...

Алексей Барашек умел ослепить и “замазать глаза”. Когда потребовалось, по совету Телкова, упасть ещё к одному (кроме гохрановского) источнику драгоценного сырья — небольшому алмазодобывающему предприятию на Урале, он устроил губернатору области такой приём в Сан-Франциско, который тот запомнил на долгое время. Кроме дорогих подарков, наградил ещё поездкой на Бермудские острова по принципу “всё включено”. Разумеется, за счёт корпорации.

Едва ль не королевский приём организовал и Кратаев. Барашек возил дорогого гостя по самым знаменитым местам, кормил-поил в лучших ресторанах Сан-Франциско, ночное одиночество посланца из Москвы скрашивали две русскоговорящие девушки.

Деловая часть поездки ограничилась коротким знакомством с производством. Ревизор не раз бывал на гранитных предприятиях и хорошо знал весь технологический процесс.

Поэтому, осмотрев ряды станков, женщин в белых халатах и с шестикратными лупами перед глазами, он заторопил Барашка к выходу.

— Нормально тут у вас, Алексей Владимирович. Теперь осталось поглядеть хранилище... Там, где вы спрячете сокровища Алладина...

— Куда спешить, Юрий Зенонович? У меня есть одно предложение. Как говорил "крёстный отец", от которого нельзя отказаться.

— Это какое же ещё? — с умильной улыбкой поинтересовался Кратаев. Через день он должен был вылетать в Москву, и багаж, который предстояло увезти, вместо небольшого дипломата, с каким ревизор прибыл, представлял три внушительных сумки. Барашек позаботился не только об "уважаемом Юрии Зеноновиче", но и о его супруге, двух дочерях и внучке.

— Немного терпения, и вы со мной согласитесь.

Они приехали в дорогой магазин мужских аксессуаров. Не давая Кратаеву опомниться, Барашек переговорил с продавцом и через некоторое время вручил ревизору коробку с наручными часами. Видя изумление московского гостя, стал объяснять:

— Фирма "Брег". Сделаны в Швейцарии. Корпус — белое золото. Ремешок — смотрите, какой нежный, а ведь крокодиловая кожа. Часы этой марки носили Наполеон, наш царь Александр Первый, Бальзак, Черчилль. Сегодняшняя российская элита тоже их предпочитает. Ничего удивительно! Марка насчитывает несколько столетий. Помните, у Пушкина? Об Онегине говорит: "И там гуляет на просторе, // Пока недремлющий брежет // Не прозвонит ему обед". Нам, кстати, тоже пора на обед, Юрий Зенонович. А про ценности я вам расскажу. Подробно... Они в надёжном месте...

Вернувшись в Москву, Кратаев написал в докладной записке на имя начальника Главдрагмета Телкова: *"В соответствии с распоряжением Правительства РФ вывезенные из России ценности в настоящее время хранятся в хранилищах "Даймонд Центра" и Калифорнийского монетного двора Сан-Франциско. Условия хранения соответствуют 3 категориям защиты технологий НАСА"*.

То есть охраняются, как космическая отрасль США. В действительности поступивших из России драгоценностей уже почти не оставалось.

— Садись, Юрий Зеноныч, — сказал Телков, когда Кратаев вошёл в его кабинет. — Не дают нам спокойно поработать на благо державы. Вот пришло письмо из МВД. Какой-то... — Телков скосил глаз на лежащую слева от него бумагу, — э-э... Жирков интересуется сохранностью ценностей, которые мы отправили в Сан-Франциско. Ты был там... Своими глазами видел порядок... Алексей Барашек не позволит без нашего разрешения ни одной серебряной ложки отдать кому-то. Так что вот тебе письмо и ответ этому майору. Знаешь, как написать. Можешь за своей подписью. Только покажешь мне.

Ответ из Главдрагмета не удовлетворил Владимира Жиркова. Он был какой-то мутноватый и даже отдавал наглостью. *"В связи с прохождением документов о сотрудничестве с американской корпорацией под грифом ДСП*, можем сообщить Вам, что в соответствии с распоряжением министра финансов Российской Федерации ценности Гохрана являются залогом для открытия кредитной линии в 500 млн долларов"*.

К тому же, отвечал не руководитель Главдрагмета, которому был направлен запрос, а второстепенный чиновник. Майор Жирков написал новое письмо. Теперь — на имя министра финансов Липшиса.

* ДСП — для служебного пользования.

Около месяца ждал ответа. Когда получил, понял, что в истории с отравленными драгоценностями ясности не прибавилось. Заместитель министра финансов Носоватый сначала слово в слово повторил ответ из Главдрагмета, а потом добавил, что корпорация имеет отличную репутацию как у российского правительства, так и в надзорных органах Соединённых Штатов. Поэтому ни предоплаты, ни гарантийных писем от неё требовать не было необходимости.

Жирков не знал, что докладывать руководству. Действия руководителей Главдрагмета явно нарушали закон. Но подобраться к основным документам майору не давали. Чтобы получить доступ к ним, надо было возбуждать уголовное дело. Однако прокуратура не торопилась. И тут в Министерство внутренних дел поступил запрос по линии Интерпола относительно корпорации и законности вывоза из России огромных драгоценностей. При этом интерполловцы давали понять: делом интересуется также Федеральное бюро расследований США. Жирков знал, что недавно в Москве открылось представительство ФБР. Он решил проконсультироваться у своего американского коллеги. Вскоре, по согласованию российских и американских руководителей, была создана совместная группа. Расследование пошло с двух сторон. Получив материалы, Генеральная прокуратура России возбудила уголовное дело против Телкова и его сообщников.

* * *

Никольская узнала о начале уголовного дела из заметки в самой злой оппозиционной газете “Завтра”. Пресса, которую называли демократической, молчала, и Татьяна догадывалась о причинах. Начальник Главдрагмета считался не только олицетворением прогрессивных рыночных реформ, но и был спонсором наиболее заметных изданий. За пустяковые рекламные сообщения Главдрагмет платил такие большие суммы, каких никогда не видели крупнейшие мировые газеты. Кроме того, по указанию Ильи Михайловича в нужных ему средствах массовой информации размещали свою рекламу хозяева иностранных и совместных ограниченных предприятий. Они тоже платили намного больше общепринятого. Поэтому демократическая пресса, обычно падкая на криминальные сенсации, о возбуждении уголовного дела молчала, как по команде. Однако почему об этом не сказал ей сам Телков?

Илья Михайлович успокоил молодую женщину.

— Не хочешь, чтобы ты переживала. Сейчас надо реализовать главное — свалить Широкова.

— А разве закрыть уголовное дело — не главное?

— Пусть оно тебя не беспокоит.

— Да не меня! Вас, Илья Михалыч.

Никольская только в постели называла старика придуманным ею именем: **Илик**. С ударением на первом звуке. Но уже из ванной, куда уходила, играя голым телом под взглядами Телкова, звала по имени-отчеству.

— Ни меня, ни тебя это не должно волновать. Меня им поймать, как схватить налима. Выскользну. Первый раз хотели ещё при советской власти... Вроде бы продал алмазы дешевле, чем надо. Что они понимают в алмазах? Я могу два одинаковых камня оценить с разницей в десять тысяч долларов. Потом прицепились демократы. Вот уж знатоки! Стекло за алмаз возьмут. Вроде нашего лопухого... Возбудили... Написали: Телков причастен к коррупции. Я перед тем поселил четыре израильских фирмы в нашем здании. Отстранили от работы... Полгода копались, но их заставили остановиться... Я тебе больше скажу — никому не говорил! — даже нынешний премьер Черномырдин собирался меня уволить! За мою отставку проголосовали все, кто был тогда на заседании правительства. И чем всё закончилось? Ему сказали: Телкова не трогать! Барашек, наверное, подставился. А скорей его подставила... эта... которая “Алмаз украдал”... Говорил ему: аккуратней надо. Но ты не переживай...

Телков погладил тёплую руку уже одевшейся Татьяны. Никольская с рассеянной улыбкой кивнула. Она почему-то думала, что Телков не выпутается из уголовного дела. За вывоз из Гохрана без должных документов большого количества алмазов, золота, бриллиантов начальника Главдрагмета обвинили в незаконных сделках с валютными ценностями и злоупотреблении служебным положением. Жалко было не Телкова. Очень жалела себя. Зачем променяла Дворкина на этого старика? Тот хоть тоже — без слёз не глянешь, — но, кажется, понадежней будет.

После обысков в компании “Алмаз Урала” сотрудники ФСБ и прокуратуры сразу вышли на корпорацию “Даймонд АБРА”. Расследование ещё не закончилось, а в печатных средствах массовой информации уже появились первые публикации о невероятном хищении российских драгоценностей. Основой материалов были пока утечки сведений из следственных органов, но чувствовалось, что их отбирает опытная рука, и появление более серьёзных фактов — всего лишь вопрос времени. Никольская с опаской и неприязнью отмечала, как неожиданно возбудилась не только оппозиционная, но и оставшаяся до того нейтральной пресса. Словно кто-то координировал этот процесс и умело выстраивал тональность публикаций. В газетах заговорили о тесной связи “ворюги века” Алексея Барашка с начальником Главдрагмета Телковым. Называли Ельцина покровителем этой “шайки расхитителей”. Виктор Семёнович Дворкин с напускным огорчением показывал Татьяне все новые статьи с издевательскими заголовками.

— Смотри, как распустились журналоги! Разве так можно о серьёзном пожилом человеке? На, читай... “Поднимет ли Барашек Телкова на рога?” Или вот ещё: “Отдай, Телков, алмазы, а то Барашком станешь”. Ну, это же просто оскорбление! Как только Илья Михальч выдерживает?

Но Телков делал вид, что его это не беспокоит. Хотя на самом деле тревожился. И экстренно принимал разные меры, чтобы повернуть развитие событий в нужную ему сторону. Он хорошо усвоил известное правило: лучший способ защиты — это нападение. А потому с ещё большим напором стал везде, где только можно, объявлять, что для российской гранильной промышленности нет ничего выгодней, чем зарубежные и совместные с иностранцами ораночные предприятия.

Заявления Телкова, словно опомнившись, начали изо дня в день тиражировать хорошо оплачиваемые “дружественные” средства массовой информации. А параллельно с этим Илья Михайлович срочно организовал в Главдрагмете научно-практическую конференцию, участники которой должны были подтвердить его позицию.

От федеральной исполнительной власти на конференцию приехали министр финансов Липшиц, начальник управления из Администрации президента Каштанов, генерал таможенной службы Могилевский, который летал с Телковым в Сан-Франциско на презентацию “алмазного чуда России”, и заместитель министра промышленности и торговли Попов.

От законодательной власти Илья Михайлович вызвал депутата Государственной Думы Шавкина. При необходимости мог бы позвать целую депутатскую группу, где у него было “прикормлено” больше половины “народных избранников” во главе с председателем. Но Шавкин — белобрысый, низенький мужчина лет сорока, округлый от пивного излишества — входил во фракцию партии власти и стоил десятка его коллег. Нырющий из одного уголовного дела в другое, он был криклив, циничен, мог в глаза человеку льстить, а когда тот уходил, плюнуть ему вслед. Разговаривая с ним, Телков иногда в подсознании вдруг начинал чувствовать какой-то неприятный холодок. Словно там, в глубинах разума, в потаённом зеркале, отражался он сам, и тогда изворотливый, прокалённый ложью человек старался быстрее перевернуть зеркало обратной стороной.

Шавкин был очень обязан начальнику Главдрагмета. Илья Михайлович дважды выручал его, благодаря своим связям в Министерстве внутренних дел и Генеральной прокуратуре. А главное, депутат был соучредителем совместного предприятия и зависел от Телкова в обеспечении алмазами. Ораночный бизнес давал большие доходы, часть которых Шавкин тратил на

содержание скандальной газеты “Есть мнение!”, где основной темой была критика компании “АПРОСЕВ”.

Учёных представляли щуплый старичок и коротко стриженный бугай, которого Татьяна узнала сразу. Это был один из охранников Главдрагмета. Впрочем, и старичок был ей известен. Его статьи, полученные от Дворкина, она приносила заместителю главного редактора своей газеты Котельникову с неизменным конвертом, где лежали четыре сотни долларов. Старичок хвалил совместные предприятия, ругал компанию “АПРОСЕВ” и “Де Бирс” как разорителей России. Перед каждой статьёй заместитель главного редактора собственной рукой вписывал придуманные им титулы и звания старичка. Тот уже перебивал почётным доктором половины существующих университетов мира, хотя про большинство даже не знал, где они находятся, а главное, давным-давно не публиковал ничего такого, что имело хотя бы отдалённое отношение к науке. Однако он был нужен Телкову. Илья Михайлович называл старичка экспертом мирового уровня и ссылался на него в правящих кабинетах.

С “представителями производства” проблем не было вообще. Из той самой “отечественной гранильной отрасли” к Телкову могли прибыть хоть сто хозяев совместных предприятий. Но он ограничился немногими. Главными, по его замыслу, должны были стать журналисты. Куратор прессы — Дворкин, — муляясь лицом от ненависти к шефу, обзванивал под скрежет зубов газеты “Сегодня” и “Купец”, “Московские новости” и “Ведомости”, “Известия” и “Комсомольскую правду”, журнал “Огонёк” и бульварный еженедельник “Мегаполис-Экспресс”.

Труднее было с телевидением. Представители каждого канала запрашивали даже за рядовой сюжет в теленовостях крупные суммы в конвертах. А здесь звали к фигуранту уголовного дела. Однако Телков приказал Дворкину не скучиться, и тот, разговаривая со старшими в стае “телеборзых”, разрывал свою душу пополам. С одной стороны, он радовался развитию событий. Наконец-то может быть сброшен этот отвратный старикан, который все последние годы терзал Виктора Семёновича откровенным презрением. В то, что Телкова посадят, Дворкин нисколько не верил. Ну и пусть! А то ещё начнёт рассказывать следователям о делах самого Виктора Семёновича. Хватит, чтобы сняли. “Не сняли! — злорадно поправлял себя Дворкин. — Выгнали!”

Но с другой стороны, начальником Главдрагмета могут поставить не его, Дворкина, а Каплуна, который такое же дерьмо, как нынешний.

Когда пишущие журналисты достали блокноты, а телевизионщики припали к окулярам камер, чтобы зафиксировать присутствие важных персон, Телков открыл конференцию. И сразу обозначил тему разговора: Россия сильно запаздывает с подготовкой государственной программы по поддержке совместных предприятий в гранильной отрасли.

При этом Илья Михайлович каждому расписал его роль. Одни должны говорить о создании большого количества новых рабочих мест. Другие — о значительных поступлениях в бюджет страны налоговых денег. Третьи — о прогрессивных технологиях, которые принесли иностранные диамантеры.

Все цифры и факты выступающим заранее предоставил сам Телков. И хотя они так же походили на действительность, как степной курган на гору Эверест, его это нисколько не беспокоило. Важно, чтобы пресса разнесла придуманные им сведения. Для проверки потребуется время, а оно необходимо адвокатам. Глава одной из лучших адвокатских контор, берущийся за самые скандальные и дорогие дела, посадил несколько своих помощников, чтобы те искали лазейки в сыром ещё российском законодательстве для оправдания Телкова. Однако у них ничего не получалось, и тогда пожилой защитник “несправедливо обижаемых”, манерами и внешностью похожий на классических краснобаев прежних эпох, сам начал шерстить законы в Государственной Думе.

Как хозяин конференции, Илья Михайлович умело дирижировал выступающими и несколько раз комментировал высказывания участников. Поправил старичка-учёного, который, с неожиданным для его щуплости напором,

вдруг возбудился и закричал, что компании “АПРОСЕВ” пора ликвидировать, а добычу алмазов передать Главдрагмету.

— Это не совсем верно, Николай Захарович. Добычу надо оставить. Там люди привычные... А вот реализация — да, не их это дело. Такая государственная структура, как наша, справится лучше.

В другой раз одёрнул депутата Шавкина. Тот вышел за рамки отведённой ему темы о большой экономической пользе совместных предприятий и неожиданно начал критиковать президента Ельцина.

— Не понимает Борис Николаич интересов российского бизнеса. Нам нужен закон, чтобы свободно вывозить за границу алмазное сырьё для обработки на “давальческой” основе. А он позволил появиться какому-то меморандуму, который вставляет палки в колёса.

— Вы кому адресуете претензии, господин Шавкин? — строго спросил Илья Михайлович. — Законы сочиняет не президент, а вы — депутаты. Поднимите свою фракцию, свяжитесь с нашими специалистами, и мы поможем вам сделать нужный проект. Ваша задача — довести его до закона.

Однако весь разговор о подготовке государственной программы Телков затевал с единственной целью: среди положительных примеров “алмазной деятельности” Главдрагмета несколько раз должно было прозвучать название корпорации “Даймонд АБРА”. Намеченные выступающие со своей задачей справились. Теперь предстояло самому Телкову подвести итог обсуждения и более подробно сказать о его совместном детище с Барашком.

— Все мы знаем, — начал Илья Михайлович, — как важно нашему алмазно-бриллиантовому комплексу пробиться на заграничные рынки. К счастью для России, совместные предприятия, за которые нас критикуют ничего не понимающие в этом деле люди, уже принесли казне миллионы долларов. Мы теперь известны в Израиле, в Бельгии... Но самый ёмкий рынок — в Соединённых Штатах. Мы решили основательно закрепиться там. Я бы сказал: пробить алмазно-бриллиантовое “окно” в Америку. Нам удалось это сделать. Господа называли здесь корпорацию “Даймонд АБРА”. Не скрою: мне приятно слышать это имя, и оно, думаю, ещё не раз прозвучит в качестве примера эффективной коммерческой деятельности под эгидой нашей организации.

...Материалы с научно-практической конференции в Главдрагмете дали “дружественные” издания и все телеканалы, принадлежащие олигархам. Большой отчёт в свою газету “Купец” написала Татьяна Никольская. Телков был доволен. Заметки о возбуждении уголовного дела против корпорации перекрывались массивом сообщений о положительной роли этой фирмы. Люди запутались и, как всегда бывает в подобных ситуациях, общественность не знала, чему верить. Принцип “то ли он украл, то ли у него украли” заработал превосходно.

Но ещё больше Телкова порадовал адвокат-искусник. Приходя в Госдуму, как на работу, каждый день, он лично пересмотрел тома законов, поправок к ним, комментариев и нашёл надёжную “отмазку” для Ильи Михайловича. Оказалось, что около года назад, в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне, Государственная Дума приняла закон об амнистии. Под неё подпадали и те, кому исполнилось шестьдесят лет. Вот когда Илья Михайлович с гордостью стал говорить, что он уже пенсионер, что у него даже есть советские награды (до этого о них всегда молчал) и оклеветать его не получится.

Хотя решение Генпрокуратуры ещё не было принято, Илью Михайловича заранее бросились поздравлять. Особенно ретиво те, кто рассчитывал на его скорое увольнение по уголовному делу. Однако теперь открывалась новая надежда — отправка на пенсию. Дворкин даже не сдержался перед Никольской:

— Отдыхать ему надо. На покой... Пенсионер, а туда же... (потемнел лицом, представив Татьяну в постели со “стариком”). Как будто без него не справятся...

Никольская не стала рассказывать Илье Михайловичу. Она и раньше старалась не сталкивать их. Тем более не хотела делать этого сейчас, когда

по отношению к Телкову у неё появилось что-то новое, и не очень приятное. Словно случайный порыв ветра нанёс едва уловимый запах какой-то далёкой, невидимой помойки, заставив невольно поморщиться от брезгливости. И не возраст был тому причиной. О нём Татьяна знала, помогая заполнять визитные карты патрона при заселении в заграничные отели. Она по-прежнему с интересом слушала то напористый, то ироничный разговор Телкова об очередной попытке “взять его за жабры”, смеялась над новыми анекдотами и язвительными оценками людей из правительства и администрации президента, но в самый разгар весёлости вдруг ни с того ни с сего в мыслях появлялось лицо Широкова, вспоминались его уверенные ответы-рассуждения на пресс-конференции, и молодая женщина на короткое время переставала слышать, о чём говорит Телков.

Однажды Илья Михайлович заметил это.

— О чём думаешь?

Никольская быстро нашлась:

— В ту статью, которую вам показывала после широковской пресс-конференции, может, вставить ваше мнение о компании Алексея Барашка?

— Туда не надо. А почему не печатаешь её?

— Обещала лично Широкову дать прочитать.

— Молодец. Подбирайся к нему. Да побыстреей. С ним надо кончать.

Телков насупил редкие брови.

— Война, Таня, требует включать резервы главного командования.

— Вы с ним, как дуэлянты, Илья Михалыч. Кто первый попадёт в сердце.

— Он не того вызвал на дуэль. У меня пистолет многоствольный... А в чём дело, почему он не читает? Не хочет принимать такую девушку? — довольно ощерил крепкие зубы Телков и притянул сидящую рядом Татьяну. Она сделала движение, словно намереваясь достать стоящую на столе бутылку с холодной минеральной водой. И аккуратно высвободилась.

— Владислав Антоныча нет в Москве. Говорят, улетел в Алмазную провинцию.

Помолчала и, глядя мимо Телкова, добавила:

— Сама жду.